

Под рубрикой: "КНИГА."

Б. Арватов.

НИКОЛАЙ ТАРАБУКИН. "От мольберта к машине". (М. 1923.) 44 стр.

Как видно из заглавия, книга представляет собою очерк развития современного искусства от его станковой формы (картина) до т.-н. "слияния" искусства с производством, - от индивидуального изображения жизни к ее коллективному строительству. Автор показывает, как разложилась изобразительность, как художники покинули плоскость картины и взялись за обработку трехмерных реальных материалов, как затем революция привела их к производству. Попутно автор подвергает резкой критике станковизм и прикладничество, т.-е. чисто эстетические формы, выдвигая концепцию искусства, как производственного мастерства.

Все специально-художественные главы книжки сработаны настолько хорошо, что могут быть рекомендованы "Леф`ом" сполна. Но автор не ограничился профессиональными проблемами проз-искусства, а захотел подойти к нему и социологически. Вот эта то социологическая часть книжки чрезвычайно слаба. Укажу на некоторые коренные ошибки.

Говоря о станковой живописи, автор поясняет:

"Паразитические слои феодального дворянства, творившие и поддерживавшие искусство, такие условия создавали" (с. 36).

Между тем, как это известно из прошлого, станковизм есть порождение товарного хозяйства, вместе с которым он сейчас и терпит крах.

У автора же находим:

"Буржуазия по существу чужда искусству" (с. 36).

Сказать так о классе, прошедшем целые исторические этапы и руководившем многие столетия общественным строительством, значит ничего не понимать ни в социологии вообще, ни в гигантской социально-организующей роли искусства, в частности.

Станковизм есть индивидуалистическая форма художественного творчества, т.-е. форма специфически-буржуазная, не "классовых группировок"*1, а буржуазно-классового строения общества, при котором общая дезорганизованность общественного бытия требовала своего восполнения в индивидуальных рамках (иллюзорной организованности картины).

Не понимая этого, автор относится к станковизму, как единственному специализированному виду художественного творчества, и поэтому полагает, что в социалистическом обществе искусство - профессия исчезнет. Но это означало бы, что искусства не будет вовсе, так как, будучи общественно-профессиональным явлением, искусство может выжить только в качестве такового же, и не иначе.

Дело не в том, выживет ли искусство-профессия, а в том, какие она примет формы.

Автор, однако, отстаивая пресловутую "демократизацию" искусств, предсказывает такое "слияние" художественного творчества с индустрией, при котором все решительно будут художниками. Ясно, что это было бы бессмысленной растратой энергии и породило бы только хаос, да и попросту оказалось бы невозможным хотя бы потому, что качество продукта в современной индустрии технически определяется организационной инженерной верхушкой, а не работой отдельных исполнителей*2.

Искусство в производстве это проблема профессиональной художественной инженерии. Если бы дело обстояло так, как представляется тов. Тарабукину, можно было бы с полным правом сказать, что общество,

*1 Формула тов. Тарабукина.

*2 Это, конечно, тенденция, но тенденция диктующая и непрерывно усиливающаяся.

прогрессируя в целом, деградирует в искусстве. Но это заранее немыслимо. Социализм не группа однотипных людей, а организованное единство высокоспециализированных личностей в коллективном производстве. Этой форме будет подчинена всякая человеческая деятельность, в том числе - искусство.

